

Установки номадизма в культуре постмодерна

*Автор УСОВСКАЯ Э.А., кандидат культурологии, доцент,
заведующий кафедрой культурологии
Белорусского государственного университета*

*Рецензент БОЛОТОВА Ю.Г., кандидат культурологии,
доцент кафедры культурологии
Института современных знаний имени А.М. Широкова*

Статья посвящена проблеме современного понимания номадизма. Он рассматривается как категория культуры постмодерна. Автором выявляются установки и причины актуальности номадизма, версии его понимания. Номадизм отражает неустойчивость, неопределенность постмодерна.

The article is devoted to the problem of modern understanding of nomadism. It is considered as a category of postmodern culture. The author reveals the attitudes and reasons for the relevance of nomadism, the version of his understanding. Nomadism reflects instability, uncertainty of postmodernity.

Введение. Латинский термин «nomad» переводится на русский язык как «кочевник». В постмодернистском дискурсе ему был придан достаточно широкий статус, выходящий по смыслу и содержанию за пределы «географического» характера. Номадизм, номадология впервые были заявлены и рассмотрены Ж. Делёзом в работе «Логика смысла», а впоследствии стали одним из объектов исследования в фундаментальном труде Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Капитализм и шизофрения».

Концепт номадизма, номадологии имеет глубокую атрибуцию и значение в современном научном дискурсе. Так, в энциклопедии

«Постмодернизм» номадологии была дана развернутая характеристика, подчеркивающая ее изначально постмодернистский характер: «В широком смысле – фундаментальная для постмодернизма установка на отказ от характерных для классической метафизики презумпций, а именно: а) презумпция жестко структурной организации бытия; б) полагания пространства в качестве дискретно дифференцированного посредством семантически и аксиологически определяющих точек; в) понимания детерминизма как принудительной каузальности; г) выделения фундаментальных оппозиций внешнего–внутреннего, прошлого–будущего; д) полагания смысла в качестве имманентного миру (объекту) и раскрывающегося субъекту в когнитивных процедурах [1, с. 524].

Несмотря на достаточно большой массив имеющихся исследований, в той или иной степени относящихся к проблеме содержания и функционирования номадизма, исследование его корней, концептуального каркаса, трансформаций в XXI в., требует дальнейшего продолжения. Это позволит приблизиться к пониманию целого ряда процессов, происходящих в мире и в нашей стране, стоящей на перекрестке коммуникационных, экономических, социокультурных потоков. В связи с этим цель статьи состоит в выявлении установок номадизма, с помощью которых можно понять суть культуры постмодерна.

Основная часть. Номадизм, как нам представляется, можно рассматривать как комплекс теоретических установок и практик, отражающих «текучесть», неустойчивость общества и культуры постмодерна, с одной стороны, а с другой – направленных на критику так называемой логоцентрической, западной, мужской культуры. Это значит, что постмодерн второй половины XX–начала XXI вв. до конца не определил собственные границы и их ценностное наполнение, а социокультурная ситуация последних десятилетий характеризуется, как минимум, неустойчивостью. Более того, номадизм сегодня продолжает стратегию критицизма постмодернизма, острие которого нацелено на деконструкцию

тоталитаризма (в понимании Ж. Деррида) как результата Новоевропейского проекта западной культуры. Номадизм, номадическая детерриториализация, как справедливо полагает К. Каплан, «представляется одним из путей преодоления дисциплинарных границ и гегемонных культурных практик, способом “маргинализации центра”, в особенности маскулинистских, имперских, белых академических культур “Запада”» [цит. по 3, с. 46].

Остановимся более подробно на феномене «текучности» постмодерна. Она вызвана, как представляется, несколькими причинами. Неопределенность постмодерна в период его формирования и оформления в 1950–60-х гг. продиктована радикальными сдвигами в политической, экономической, социальной, духовной сферах как следствие окончания II Мировой войны, массовых социальных, в том числе и антиколониальных, движений, создания глобальных мировых идеологических систем, постиндустриальной фазой развития общества, другими факторами. Не менее важным является серьезный парадигмальный, аксиологический переворот, касающийся пересмотра ценностей культуры Модерна (Новоевропейской культуры и индустриального общества), а значит, и так называемой западной культуры в целом. Ценности отцов и дедов перестали быть единственным источником и паттерном для жизни детей, трансформации подверглась фигурация межпоколенной коммуникации: на смену конфигуративной культуре пришла префигуративная. Информатизация разных сторон жизни общества приводит как к позитивным последствиям, в частности, фактически безграничной возможности общения, доступности информации, так и к негативным – появлению феномена симулякра, подмены, при котором означаемое и означающее меняются местами, несуществующее в реальности продуцирует реальность.

Постмодерн 1960–80-х гг. – это период коренных изменений представлений о взаимодействии национальных культур, время теории и политики мультикультурализма, который при всех ошибках и просчетах продемонстрировал необходимость признания межкультурных различий.

Несмотря на кажущуюся очевидность, это был важный шаг на пути выстраивания межкультурного диалога. В то же время рубеж XX–XXI в., второе десятилетие XXI в. стали периодом кризиса межэтнических и межконфессиональных отношений, вылившегося в конфликты и локальные войны. Это послужило поводом для пересмотра содержания и практики мультикультурализма и других форм внутригосударственной практики межкультурного взаимодействия.

Неопределенность, номадизм постмодерна объясняется и теми историко-политическими сдвигами, которые произошли после распада СССР и социалистической системы в целом. Поиск исторического, идеологического, мировоззренческого, экономического пути развития, собственного места в международной палитре взаимоотношений для России, Беларуси, Украины и других бывших советских республик оказался далеко непростым и, по-видимому, до конца не законченным.

Однако главная причина феномена «текучести» «второй современности» заключается в неопределенности ее ценностных установок. Если «первая современность» (общество и культура Модерна, Новое время) имела более-менее четкие представления об основах формирования и развития общества (парадигма Просвещения), то постмодерн таких установок не имеет. Речь может идти о декларации уважения прав и свобод личности, равноправии культур, мультикультурализме, недопустимости войн, о решительной борьбе с терроризмом, приоритете гуманистических ценностей и так далее, но на практике их воплощение далеко от реальности. Скорее, осуществляется символический обмен представлениями о реальности, а воплощение гуманистических принципов мирового общежития нередко похоже на симулякр.

Таким образом, номадизм как «текучесть» есть результат неустойчивости цивилизационного развития в целом, неясности дальнейшего способа и целей движения в условиях потери Старым европейским светом и США доминанции в мире, в растерянности Европы перед потоком массовых

переселений. К встрече с новыми культурами Европа оказалась неподготовленной.

При явно отрицательных аспектах зыбкости, номадизме постсовременности, ее неопределенность обладает, можно сказать, и позитивными характеристиками. Это, прежде всего, масштабная критика так называемого проекта Модерна как со стороны Франкфуртской школы, в целом, так и представителями постмодернизма. Основной вопрос, который составлял фундамент критицизма, заключался в ответе на вопрос о том, как стали возможны самые кровопролитные в истории человечества две мировые войны. Корни тотальной человеческой деструкции искались в самых началах европейской цивилизации и объяснялись в большей степени засильем логоцентрического разума, оппозиционностью рационального и иррационального, тотальностью идеологий, омассовлением личности и многими другими причинами. Отсюда, как нам представляется, и стремление ускользания от какой бы то ни было однозначности, боязнь метанарративов, «больших словарей», глобальных систем и учений, которые вылились в децентрацию, детерриториализацию, дифферанс, т.е. в конечном итоге нашли воплощение в номадизме.

Интересно отметить, что сегодня внимание к феномену номадизма несколько не угасло. Классические, можно сказать, парадигмальные установки постмодернизма, раскрывающиеся в том числе в номадизме, находят воплощение или, скорее, переописываются в концептах метафорического мышления, во «взаимосвязанном номадизме», в воображаемой мобильности и мобильности объектов, номадическом капитализме, других теориях и концептах.

Так, концепт метафоричности мышления отсылает нас к проблеме изначальности смысла понятий, категорий, языка, явлений и мышления в целом. Во многом он созвучен идеям Р. Рорти, согласно которому «именно образы, а не суждения, именно метафоры, а не утверждения определяют

большую часть наших философских утверждений ... историю доминирования в умах западных философов окулярной метафоры [2, с. 9].

Продолжая и одновременно интерпретируя позиции М. Фуко, Р. Барта, Ж. Деррида, концепт метафоричности мышления приходит к выводу о метафорическом описании системы человеческих понятий и зависимости новых значений и реальности от типов метафорического мышления [3, с. 38]. Глобальность, глобализм, мобильность, миграция представляют собой метафоры, смысл которых станет понятным, если выявить, какие обстоятельства, интересы и цели привели к их созданию.

Однако не все исследователи разделяют достоверность номадизма и образа номада-кочевника. Так, З. Бауман полагает, что наиболее приемлемыми сегодня являются метафоры бродяги и туриста. Так, «турист платит за свою свободу, право не обращать внимание на местные заботы и чувства, право создавать собственную сеть значений... Мир принадлежит туристу, ... он должен прожить в нем с удовольствием и, таким образом, наделить его смыслом» [4, р. 241]. Несмотря на отличия в трактовке ведущих метафор постмодерна, подчеркивающих размытость ее границ, целей и содержания, с одной стороны, или стремящихся передать суть стратегии постоянного избегания однозначности и логоцентризма – с другой, общим местом является желание объяснить, каким способом и по какому пути должна или может развиваться мировая цивилизация в целом и европейская в частности. Неопределенность постмодерна рождает и неопределенность вариантов этих путей.

Еще одной версией номадизма является феминистский взгляд представителя «Женских исследований» (Women's Studies) Розы Брайдотти (Rosi Braidotti), которая ввела в научный оборот термин «взаимосвязанный номадизм», подчеркивающий актуальность нелинейных способов мышления, в большей степени свойственных женщинам. Она обращается к проблеме трактовок женской субъективности, поскольку традиционные патриархатные, мужские версии во многом исчерпали себя. Многогранность

женщины как субъекта продуцирует поливариантность того, какой она может быть. Умение одновременно заниматься несколькими делами (варить суп, стирать, следить за детьми, продумывать, что надеть завтра, как выстроить свой день и т.п.), быть гибкой, играть огромное количество ролей ежедневно наложили отпечаток на способность совмещать в общем мыслительном пространстве рациональное и иррациональное, думать нелинейно.

Брайдотти, подчеркивающая нелинейность мышления женщины, вторит позиции Деррида, критиковавшего законодательный, логоцентрический, мужской, по сути, разум, и противопоставлявшего ему разум интерпретативный, нелинейный.

Таким образом, с точки зрения Брайдотти, «номадизм – это различие полов, понимаемое как возможность перемены позиции, которую обретают множественные женские, феминистские голоса, имеющие телесные воплощения; феминистский номадизм как теоретическая позиция допускает сосуществование... разных репрезентаций и способов понимания субъектности женщины и дает богатый материал для дискуссии» [5, с. 241–249].

Заключение. Номадизм по-прежнему обладает актуальностью в стремлении объяснить важнейшие проблемы современности. Передвижения как ядро этого феномена, мобильность становятся и важнейшей приметой постмодерна. Причем номадизм касается не только физического перемещения субъектов-людей, но и относится к образам, концептам, товарам, затрагивает разные сферы и типы современной цивилизации. При кажущейся структурности, направленности этих перемещений, они далеко не всегда отвечают конкретным целям. Номадизм вбирает в себя метания, неопределенность постсовременности с ее тяготением к четко выстроенной системе и аструктурность, децентрацию, маргинализацию территориального, духовного и телесного пространства.

1. Можейко, М.А. Номадология / М.А. Можейко // Постмодернизм: энциклопедия. – Минск: Книжный дом, 2001. – С. 524–526.
2. Рорти, Р. Философия и зеркало природы / Р. Рорти. – Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1997. – 320 с.
3. Урри, Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. Дж. Урри. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. – 336 с.
4. Bauman, Z. Postmodern Ethics / Z. Bauman. – L.: Routledge, 1993. – 262 p.
5. Брайдотти, Р. Половое различие как политический проект номадизма / Р. Брайдотти // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. – СПб.: издательство «Дмитрий Буланин», 2000. – С. 220–251.